

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 467–470

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 467–470

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-467-470>, EDN: BWTEAA

Научная статья

УДК [821.161.1.09:[378.4:378.245]](470.44-25)|1970|+929Чумаков+929

Саратовский сюжет в письмах Ю. Н. Чумакова

В. Ш. Кривонос

Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67

Кривонос Владислав Шаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения, vkriwonos@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8138-0057>

Аннотация. В статье рассматривается место саратовского сюжета в письмах Ю. Н. Чумакова, адресованных автору статьи. Предметом обсуждения в переписке служит защита Ю. Н. Чумаковым диссертации в Саратовском университете в 1970 г. и ее роль в его научной биографии. Именно защита диссертация с Ю. М. Лотманом в роли первого оппонента стала ключевым событием саратовского сюжета и его кульминацией. Вычленив из переписки фрагменты, связанные с саратовским сюжетом, автор стремится объяснить направленность завязавшегося эпистолярного диалога, почему защита диссертации воспринималась Ю. Н. Чумаковым как более чем знаковое для него событие, особенно в контексте его драматической биографии. Автор доказывает, что защита явилась взрывом линейной последовательности текста жизни, резко изменившим судьбу ученого. Желание подробно поговорить о защите, узнать, какое впечатление она произвела, и взглянуть на происшедшее в тот памятный для него день глазами адресата письма выдавало стремление заново прочитать и истолковать свою судьбу. Особое внимание уделено в переписке личностям таких выдающихся филологов, профессоров Саратовского университета, как А. П. Скафтымов и Е. И. Покусаев. Ю. Н. Чумаков не учился у А. П. Скафтымова и не был с ним знаком, но специально отметил освоение и последующее развитие принципов научного подхода к произведению, изложенного в его теоретической статье 1923 г. О личности Е. И. Покусаева, своего научного руководителя, и истории своих отношений с ним Ю. Н. Чумаков написал очень подробно. Рассказав о роли Е. И. Покусаева, поддержавшего диссертацию, в ее защите и очертив его сложную, крупную и по-человечески привлекательную личность, Ю. Н. Чумаков завершает значимый для него (прежде всего для самоосмысления своего научного пути) саратовский сюжет.

Ключевые слова: Ю. Н. Чумаков, Е. И. Покусаев, Ю. М. Лотман, А. П. Скафтымов, Саратовский университет, диссертация

Для цитирования: Кривонос В. Ш. Саратовский сюжет в письмах Ю. Н. Чумакова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 467–470. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-467-470>, EDN: BWTEAA
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Saratov's plot in Yu. N. Chumakov's letters

V. Sh. Krivonos

Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxima Gorkogo St., Samara 443099, Russia

Vladislav Sh. Krivonos, vkriwonos@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8138-0057>

Abstract. The article discusses the place of Saratov-based plot in Yu. N. Chumakov's letters addressed to the author of the article. The subject of discussion in the correspondence is the defense of Yu. N. Chumakov's dissertation at Saratov University in 1970 and its role in his scientific biography. The defense of the dissertation with Yu. M. Lotman as the first opponent became the key event of the Saratov plot and its climax. Having singled out fragments from the correspondence related to the plot of Saratov, the author seeks to explain the direction of the ensuing epistolary dialogue, why the defense of the dissertation was perceived by Yu. N. Chumakov as a more than significant event for him, especially in the context of his dramatic biography. The author proves that the defense was an explosion of the linear sequence of the text of life, which dramatically changed the fate of the scientist. The desire to talk in detail about the defense, to find out what impression it made, and to look at what was happening on that memorable day for him through the eyes of the addressee of the letter, betrayed the desire to read and interpret his fate again and again. Particular attention is paid in the correspondence to the personalities of such outstanding philologists, professors of Saratov University as A. P. Skaftymov and E. I. Pokusaev. Yu. N. Chumakov was not A. P. Skaftymov's student and was not familiar with him, but specifically noted the acquisition and subsequent development of the principles of a scientific approach to the work, set out in his theoretical article in 1923. About the personality of E. I. Pokusaev, his supervisor, and the history of the relationship with him, Yu. N. Chumakov wrote in great detail. Having told about the role of E. I. Pokusaev, who supported the dissertation at the defense, and having outlined his complex, large and humanly attractive personality, Yu. N. Chumakov completes the plot of Saratov, which was very meaningful for him, primarily for self-understanding of his scientific path.

Keywords: Yu. N. Chumakov, E. I. Pokusaev, Yu. M. Lotman, A. P. Skaftymov, Saratov University, dissertation

For citation: Krivonos V. Sh. Saratov's plot in Yu. N. Chumakov's letters. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 467–470 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-467-470>, EDN: BWTEAA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Предлагаемое сообщение призвано послужить дополнением к ранее опубликованной статье, в которой уже затрагивалась (в рамках ее проблематики) тема саратовского сюжета в научной биографии Ю. Н. Чумакова [1]. Речь теперь пойдет о месте саратовского сюжета в адресованных мне письмах ученого. Эпистолярное наше общение началось с обмена письмами в декабре 2012 г. и продолжилось после некоторого перерыва в 2014–2015 гг. Полностью переписка, подготовленная мною к печати, будет опубликована с согласия Э. И. Худошиной, вдовы ученого, и при поддержке И. Е. Лоцилова, главного редактора новосибирского журнала «Сюжетология и сюжетология», в одном из ближайших его номеров. Я вычленил из нее фрагменты, связанные с саратовским сюжетом, прежде всего с историей защиты им 3 ноября 1970 г. в Саратовском университете кандидатской диссертации «Проблемы поэтики Пушкина (лирика, “Каменный гость”, “Евгений Онегин”»).

В письме от 05.12.2012, с которого, собственно, и начинается наш с Ю. Н. эпистолярный диалог, он отметил мою «памятливость на события и даты» (имелись в виду сделанные мною поправки на сайте «Московского книжного журнала», касавшиеся фактов его жизни, неточно изложенных в юбилейной статье о нем). Я написал, что присутствовал на защите, не просто запомнившейся, но оставившей сильное впечатление и стимулировавшей последующий интерес к его работам и к его биографии (биографии, в скобках замечу, такой же необыкновенной, как и его личность). В возобновившейся в 2014 г. переписке Ю. Н. в письме от 13.09.2014 вновь вспомнил о моей журнальной заметке (впечатлило «точное знание дат»). В ответ я пояснил: «А даты не могли не запомниться; Ваша саратовская защита (я был тогда студентом) была событием. “Проблемы поэтики Пушкина”, выступление Ю. М. Лотмана, все, что рассказала о Вас очень к Вам расположенная Б. И. Лазерсон, с которой мне повезло подружиться в студенческие годы, все запомнилось».

Все то, о чем мне рассказывала Б. И. Лазерсон, объясняя, почему Ю. Н. так припозднился с защитой, коротко и сжато изложил Б. Ф. Егоров в статье к 90-летию своего близкого друга: «Очень тяжелая судьба Юрия Николаевича (фронт, ранение, советская тюрьма, трудности устройства на работу в Саратове, личные неурядицы) так его трепала, что он смог защитить первую диссертацию только 48-летним» [2, с. 608]. Но рассказы Б. И. Лазерсон были замечательны тем, что наполнялись характерными подробностями и оценочными характеристиками ее общих с Ю. Н. знакомых, а его научная личность и человече-

ские качества рисовались с большой симпатией. Б. И. Лазерсон, как выяснилось, и Ю. Н. (о чем он мне написал 17.09.2014) «вместе учились в школе чуть ли не все 10 лет»; именно с ней они «встречали в саратовском аэропорту Ю. М. Лотмана». Закljučая, Ю. Н. заметил: «Моя защита для меня была более чем знаковым событием, об этом стоит говорить подробно. Мне бы, например, хотелось узнать, как Вы это видели со своей стороны. Конечно, прошло много лет, но вот так вышло, что это всплывает».

Защита, воспринятая и осмысленная Ю. Н. как *более чем знаковое* для него событие, будучи кульминацией саратовского сюжета, не случайно была придвинута им (придвинута как ключевое сюжетное событие) к самому началу переписки. Если знать биографию Ю. Н., со всеми предшествующими защите событиями, в первую очередь драматическими и тоже по-своему знаковыми, то она явилась взрывом линейной последовательности текста жизни, резко изменившим судьбу ученого. Желание подробно поговорить о защите, узнать, какое впечатление она произвела, и взглянуть на происходившее в тот памятный для него день глазами адресата письма выдавало стремление заново прочитать и истолковать свою судьбу. Спустя много лет он вновь возвращается к защите, чтобы вспомнить, как повлияла она на прочерченную, казалось бы, заданность его жизни, и *подкорректировала* ее текст. (Ср.: «— Люди, которые умеют читать, могут прочесть свою судьбу. И, прочитав, истолковать. <...> Так и твоя собственная жизнь — вы можете повлиять на ту заданность, которая, казалось бы, была прочерчена. — Жизнь как текст, который вы можете подкорректировать? — Да, подкорректировать» [3]).

Я постарался подробно (в письме от 18.09.2014), насколько мог (насколько память позволила), написать о том, что вспомнилось, в том числе о реакции и мнении Людмилы Чикирис, моей однокурсницы, занимавшейся Пушкиным; ей довелось заранее не просто познакомиться с диссертацией, но внимательно ее прочитать и высоко оценить. Не только мы с моей однокурсницей, но и другие студенты, пусть и числом немногие, но всерьез занимавшиеся научной работой и присутствовавшие на защите, понимали, что это не просто диссертация, но по-настоящему глубокое исследование. Вспомнилось, кстати, что Б. И. Лазерсон спросила Ю. М. Лотмана, можно ли было представить диссертацию как докторскую, и услышала в ответ: «Можно, если расширить».

Познакомившись с моими (и не только с моими) впечатлениями о защите, Ю. Н. ответил 28.09.2014: «Я думал, что Вы поделитесь со мной

воспоминаниями о моей защите, но Вы написали гораздо интереснее. Любопытно, осталась ли филологом та девушка, которая прочитала всю мою диссертацию?». Я подтвердил, что к Пушкину моя однокурсница с годами не охладела, но в силу обстоятельств вынуждена была сменить род деятельности.

Хочу подчеркнуть, что все, что происходило накануне защиты и на самой защите, Ю. Н. как непосредственный участник события запомнил, конечно, гораздо лучше, чем я в качестве постороннего наблюдателя. Делясь воспоминаниями, я написал о лекции Ю. М. Лотмана, прочитанной на филфаке, как мне казалось, после защиты. Ю. Н. тут же уточнил в ответном письме: «Лекция Лотманом читалась не после, а до защиты. Публика слушала настороженно, а потом решила, что он не сказал ничего нового, так что в перерыве, когда я представил ему ЭИ <Э. И. Худошину>, а он вспомнил, что видел ее в Тарту (на Блоковской конференции, 1967), а сейчас читал, выбрав почему-то ее в качестве «главного» слушателя, она его попросила аудиторию не «жалеть»: ей показалось обидным это снисходительное внимание к чуждому для них способу мышления и говорения» (10.10.2014)¹.

Размышляя впоследствии, когда переписка наша завершилась, почему разговор о саратовской защите, которая не только принесла ему научное признание, но и способствовала скорой перемене участи, оказался так важен для Ю. Н., я нашел и такое возможное объяснение, которое в письмах его отсутствует, но дано в предисловии к книге «Стихотворная поэтика Пушкина»; здесь он счел нужным «прибавить несколько замечаний по поводу истории текста книги. Фактически она один раз уже была написана в 1970 г., и ее надо было лишь освободить из заключения в рамки кандидатской диссертации. Основные черты пушкинской стихотворной поэтики были в ней изложены; подбор материала о лирике, драме и эпосе был тем же самым» [4, с. 6]. Самоосмысление Ю. Н. своего пути бросает дополнительный и ясный свет на понимание им защиты как *более чем знакового события*.

В предисловии к другой книге, «Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений», тоже отмеченном попыткой подобного самоосмысления, названа теоретическая статья А. П. Скафтымова 1923 г., «глубокая и сильная», не получившая, правда, «соразмерного ей резо-

нанса в литературной науке», но явившаяся для Ю. Н. образцом «имманентной манеры» и развернувшая его интересы в сторону «имманентного анализа или, скажем, имманентно-интуитивной методики» [5, с. 10]. Можно предположить, что освоение изложенного саратовским ученым подхода к произведению так или иначе отразилось в кандидатской диссертации, но прямо об этом Ю. Н. в письмах не пишет.

Прочитав мою статью о А. П. Скафтымове, опубликованную в 1999 г. в № 38 «Нового литературного обозрения» и пропущенную им в свое время (я послал ее в дополнение к письму от 25.09.2014), Ю. Н. особо выделил его «великую статью о теории и истории» и отметил с горечью, что «в итоге великолепный расцвет первой половины его жизни был не глядя подавлен. Разумеется, была статья о «Вишневом саде» с ее темой мимоговорения. Последнюю статью о Кутузове я, конечно, прочел с величайшим вниманием». И высказал сожаление, что «не был знаком с Александром Павловичем и у него не учился». Поэтому, вероятно, откликнувшись на мою скафтымовскую статью, он только сделал несколько замечаний о научной судьбе выдающегося ученого и этим ограничился.

Совсем иное место занимает в саратовском сюжете его писем фигура Е. И. Покусаева.

В письме от 18.09.2014 я вспомнил о выском Б. И. Лазерсон недоумении, что Е. И. Покусаев, не имевший, как она считала, прямого отношения к диссертации, «поставил свое имя как научного руководителя». А в письме от 10.10.2014 написал об уточнении Ю. Н. Борисова, заведующего кафедрой СГУ, моего однокурсника и близкого друга: диссертацию Л. Чикирис и ему «дал прочитать Е. И. Покусаев – с просьбой высказаться. Отношение к работе было восторженное, о чем они и сообщили Е. И.». В ответном письме Ю. Н., приняв к сведению это уточнение, с мнением Б. И. Лазерсон не согласился: «Е. И. Покусаев был, как Вы знаете, человеком сложным и всяким. Но у меня с ним особая история, о которой можно было бы написать и подробнее. То, что он поставил на диссертации свое имя, во многом меня выручило. Его оценка текста в письме, присланном мне в Пржевальск, была даже чрезмерной». Хотя, как я понял, о каких-то моментах, связанных с упомянутой *особой историей*, вспоминать ему, очевидно, было не очень приятно. В том же письме, перекидывая мостик из прошлого в настоящее, он написал вполне откровенно: «... мои отношения с Университетом таковы, что они выглядят как непроницаемая стена». Похоже, что таковыми они были и раньше; признание его переключается с давним интервью, где он попытался раскрыть

¹ Е. Г. Елина, профессор СГУ, в 1970 г. студентка 2-го курса, сохранила иное впечатление (которым она со мной поделилась) о реакции аудитории, прежде всего студенческой ее части, прослушавшей незадолго до защиты рассказ о Ю. М. Лотмане Е. И. Покусаева и заранее настроенной им на восприятие лекции как большого научного события.

причины несложившихся отношений с alma mater: его научные взгляды были «абсолютно чужды саратовскому университету» [3].

Между тем уже в следующем письме (от 22.10.2014) он «все же» захотел «написать подробнее» о Е. И. Покусаеве: «Я поступал в аспирантуру в 1955-м в крайне запутанных условиях, и в конце концов Е. И. согласился меня взять. К моему удивлению, он сам предложил мне Тютчева, которым я был в ту пору увлечен. В 1958-м он принял меня на кафедру на 1/2 ставки ассистента вместо уехавшего Оксмана, однако через год (15 июня 1959) он пригласил меня к себе домой, чтобы объявить о моем увольнении по сокращению штатов (моя ситуация была усложнена ложными слухами политического свойства). Он сказал, что вынужден, не по своей воле, и проч. В это время зазвонил телефон, и Ю. Б. Неводов, также увольняемый (но как человек партийный, переведенный на должность ученого секретаря Совета), объявил, что, раз так, то курс 1 пол. 19-го он читать на заочном не станет. Е. И. долго пытался сломить его амбицию, спрашивал, не прочитает ли курс кто-то другой, и т.д. Наконец, положил трубку и задумался. Тут я понял, что он сейчас предложит дочитать этот курс мне (я читал его в течение года на вечернем), и в моей голове промелькнуло множество возможных ответов. Помолчав, он сказал: “Я принужден обратиться к Вам со странной просьбой. Не согласитесь ли Вы в Вашей ситуации прочесть этот курс?”. И я мгновенно и спокойно ответил: “Да, я согласен”, – и после паузы встал, простившись, и пошел вдоль стены к двери направо. Он сидел за письменным столом у стены напротив и вдруг быстро пошел по какой-то бесконечной диагонали. Нагнав меня у самой двери и схватив за руку, он громко воскликнул: “Не будьте, не будьте никогда князем Мышкиным!”.

В следующий раз мы встретились года через полтора-два, на улице против консерватории. Он остановился и спросил, почему я не заканчиваю аспирантуру. Я сказал, что это вряд ли возможно, а он, чуть ли не хватая меня за руки, настаивал. Но здесь-то я отказался. На прощание он сказал, что если я буду что-то писать, то могу присылать это ему, он обязательно будет читать, считая себя обязанным. Уже покинув Саратов, я послал ему (весной 1967) 3 рукописи. Он их вернул, испещрив множеством незначительных помет, – запомнить было нечего, кроме одной: “Кто раздает лавры?”. В начале февраля 1970 я принес ему законченную дис-

сертацию. Он сказал, что поставит на ней свое имя, и спросил, где я намерен защищать. Мне казалось, что он раньше говорил о Саратове. – Ну, посмотрим! Через месяц я получил от него восторженное письмо, где было написано о моей оригинальности и даже артистизме. Спрашивал, не пригласить ли Лотмана? Я ответил согласием, тем более, что к тому времени уже был знаком и переписывался с Ю. М. Что было дальше, более или менее известно.

Последний раз я видел его летом 1975. Я навестил его, уже больного, после инсульта (кажется, в 1971). В нем появилось много детского. Не могу забыть, как он обрадовался привезенным мною из Москвы лимонам – улыбался, держа их перед глазами, и все повторял: “Лимончики!”. Через два года его не стало. Мне хочется оставить в памяти весь этот сюжет, который кладет какие-то дополнительные черты на облик Е. И. Кроме того, не будучи сторонником философского детерминизма, я вчера подумал о связи эпизода с “князем Мышкиным” и моей защитой».

Изложив так подробно историю своих отношений с научным руководителем и постаравшись, избегая какой-либо предвзятости, очертить его сложную и при этом яркую и привлекательную личность (поддержав новаторскую диссертацию, Е. И. поступил как настоящий ученый, каким он прежде всего был и всегда оставался), Ю. Н. поставил на этом точку; завершив саратовский сюжет, связанный с защитой диссертации, больше он к нему в письмах не возвращался. Поставлю здесь точку и я.

Список литературы

1. Кривонос В. Ш. Ю. Н. Чумаков, А. П. Скафтымов и саратовское филологическое «гнездо» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология и журналистика. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 45-49. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2016-16-1-45-49>
2. Егоров Б. Ф. О дружбе и любви // «Точка, распространяющаяся на всё...»: К 90-летию профессора Ю. Н. Чумакова : сб. науч. работ. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2012. С. 603–611.
3. Лаврова А. Юрий Чумаков: Жизнь – текст, который вы можете подкорректировать // Новая Сибирь (Новосибирск). 2000. 3 марта. С. 9.
4. Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб. : Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. 432 с.
5. Чумаков Ю. Н. Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений. М. : Языки славянских культур, 2008. 416 с.

Поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 20.06.2022; принята к публикации 01.09.2022
The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 20.06.2022; accepted for publication 01.09.2022